

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ

© 2016 г. И. Цапенко

Иммиграция резко усиливает культурное разнообразие населения в странах Севера. Многокультурность отражается в множественности “этнических экономик” и совместной народно-хозяйственной деятельности выходцев из разных стран. Использование таких ее ресурсов, как предрасположенность к бизнесу представителей определенных диаспор, принадлежность экономических агентов к одной культуре и синергетика компетенций носителей разного менталитета, благоприятствует повышению динамизма и устойчивости экономики. Интеграция мигрантов снижает издержки и повышает вклад разнообразия в развитие принимающих социумов.

Ключевые слова: иммиграция, разнообразие, многокультурность, этническая экономика, этнокультурные ресурсы, пулы компетенций, инновации, внешнеэкономические связи, экономический рост, интеграция.

Статья поступила в редакцию 05.05.2016.

DOI:10.20542/0131-2227-2016-60-11-35-46

Нарастающая глобальная миграция влечет за собой радикальные сдвиги в этнической, лингвистической, конфессиональной и т.п. композициях принимающих обществ, умножая пестроту культурной мозаики их идентичностей. Немецкий культуролог С. Вертовек квалифицирует происходящие изменения в развитых регионах мира как “трансформирующую диверсификацию разнообразия” (*transformative diversification of diversity*), ведущую к появлению “сверхразнообразия” (*super-diversity*) [1, p. 1025]. Усиление культурной неоднородности населения стран Севера становится не только все более характерной и неотъемлемой чертой, но и все более значимым множественным фактором функционирования и эволюции их социумов в XXI в.

Зачастую многокультурность обсуждается в терминах проблем и угроз. Ныне к этому располагает и определение сложившейся в Европе миграционной ситуации как “миграционного кризиса”. Современная волна иноцивилизационной иммиграции в ЕС сопровождается усилением террористической и криминальной активности, повышением межэтнической и межконфессиональной напряженности, укреплением позиций радикальных партий и нарастанием социально-политической нестабильности. На содержание

беженцев и противодействие притоку их новых волн расходуются немалые средства национальных и коммунитарного бюджетов.

Однако, как пишет В.С. Малахов, “... разнообразие само по себе нейтрально по отношению к развитию. Оно может никак не влиять на развитие. Оно может влиять на него отрицательно. И, наконец, ...служить его источником” [2, с. 90]. Учитывая, что многокультурность включает в себе не только дестабилизирующий, но и креативный потенциал, важно прояснить, при каких условиях разнообразие вырабатывает “экономическую энергию”, в каких формах реализуются несомые им ресурсы и риски и какова значимость тех и других для народнохозяйственного развития многосоставных социумов.

ЭТНОСОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ ПРИНИМАЮЩИХ ОБЩЕСТВ

Хотя в научной литературе отсутствует строгое определение разнообразия, обычно этот термин используется как синоним присущей любому обществу неоднородности населения по самым разным параметрам (возраст, социальный статус, этническая принадлежность и т.п.). Однако многие исследователи фокусируются в первую очередь на культурных и/или этнических аспектах дифференциации населения и, соответственно, на многокультурности обществ. При этом они исходят из того, что культурные различия – это не просто одна из рядовых форм разнообразия, а некая всеобъемлющая категория, которая включает

ЦАПЕНКО Ирина Павловна, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (tsapenko@imemo.ru).

в себя любые типы разнообразия, демонстрируемые людьми на протяжении их жизни [3, р. 685], а также воспроизводимые и преобразуемые их потомками.

Резкое усиление разнородности населения более развитых, или северных, регионов мира (страны Запада и страны с переходной экономикой), происходящее в последние десятилетия, связывается в первую очередь с глобальными перемещениями населения. Этносоциокультурные сдвиги в принимающих обществах представляют собой многоплановый процесс, который имеет как объективное, так и субъективное измерение. Отметим три момента.

Во-первых, это стремительное укрупнение контингентов приезжего населения, социализировавшегося в иной культурной или субкультурной среде. Согласно статистике ООН, в государствах Севера численность международных мигрантов, то есть лиц, родившихся за пределами стран их обычного проживания (или населения иностранного происхождения), увеличилась с 82.4 млн в 1990 г. до 140.5 млн в 2015 г., существенно опередив общую демографическую динамику в данных ареалах. Доля приезжих возросла с 7.2 до 11.2% жителей этих территорий соответственно [4]. Симптоматично, что рост массы приезжих в указанных регионах продолжался даже при заметном ослаблении входящих и усилении исходящих людских потоков, что было вызвано глобальной рецессией и наметившимся в начале нынешнего тысячелетия затуханием ряда очагов беженства¹.

Однако с середины второго десятилетия вновь интенсифицируются перемещения населения в развитые регионы мира. Это обусловлено, с одной стороны, постепенным возобновлением роста экономики и спроса на иностранный труд в большинстве северных государств, а с другой, лавинообразным расширением потоков вынужденных мигрантов из Африки, с Ближнего и Среднего Востока, вызвавшим миграционный кризис в Европе. По оценкам некоторых экспертов, в ближайшие годы в Европу могут прибыть 30–35 млн мигрантов, угрожая катастрофой для региона.

Подобный резонансный сценарий представляется маловероятным. Однако очевидно, что продолжение притока лиц, ищущих убежища, а также цепное следование за ними потоков вос-

соединяющихся членов семей и прочих категорий мигрантов ускорит в ближайшие годы и десятилетия рост приезжего населения. Скорее всего, его динамика будет выше прогнозируемой ООН².

При этом приезжие составляют лишь часть диаспор, многие из которых существуют в принимающих странах уже не одно десятилетие, а подчас и столетие. Как свидетельствуют оценки ОЭСР, если учитывать потомков мигрантов в первом поколении, родившихся в принимающих странах, всех жителей с иностранными корнями становится в них примерно в полтора раза больше. Так, в 2013 г. в Люксембурге, Австралии, Новой Зеландии и Швейцарии доля лиц с мигрантским бэкграундом уже превышала 40%, Канаде и Бельгии – 30%.

Особенно высока и интенсивно растет доля приезжих и их потомков в крупных метрополисах, тесно интегрированных в глобальную экономику (табл. 1). Предоставляя своим обитателям гораздо более широкие и многообразные возможности занятости и профессионального роста по сравнению с соседними территориями, такие центры деловой, политической, культурной и т.п. активности являются главными магнитами миграционных потоков.

Во-вторых, если еще несколько десятилетий назад в развитых регионах привносимые иммиграцией различия в обществе сводились главным образом к этнорасовым, между “белыми” и “цветными”, то теперь все заметнее становится пестрота жителей этих территорий по странам происхождения, лингвистическим и конфессиональным принадлежностям. В США в 2010 г. прибыли мигранты из 203 стран и территорий (в 1992 г. – из 187). Этой земле иммигрантов лишь немногим уступают по количеству стран происхождения приезжих такие крупные европейские города, как Лондон, Франкфурт, Штутгарт и Цюрих. В Великобритании в 2001 г. насчитывалось более 170 религий и конфессий. Жители Лондона говорили на 300 языках [7, р. 17]. (Для сравнения: в 40-е годы XVII в. люди, жившие на территории теперешнего Нью-Йорка, говорили лишь на 18 языках.) Фактически население развитых государств и в особенности их крупных городов становится слепком с общемировой демографической картины, представляя весь этот мир в од-

¹ Среднегодовые темпы прироста (%) численности мигрантов в развитых регионах мира снизились с 2.51 в 2000–2005 гг. до 2.47 в 2005–2010 и 1.16 в 2010–2015 гг. Сократилось и число беженцев, хотя и все более медленными темпами: 7.28, 5.32 и 2.09 соответственно [4].

² Согласно прогнозу, подготовленному ООН в 2015 г., объем нетто-миграции в развитые регионы мира сократится с 2.7 человека на тысячу жителей в нулевые годы до 1.9 в десятые годы и до 1.8 в 2020–2050 гг., в том числе в Европу – соответственно с 2.3 до 1.1–1.2 в последующий период [5].

Таблица 1. Доля лиц с иностранными корнями в населении некоторых западных стран, 2013 г., и городов, 2006–2013 гг.,%

	Лица, родившиеся за границей, включая натурализованных мигрантов	Лица, родившиеся за границей, и их потомки в первом поколении, родившиеся в стране иммиграции
Люксембург	43.3	60.7
Австралия	25.7	46.2
Новая Зеландия	25.3	44.9
Швейцария	28.8	43.3
Канада	20.9	38.5
Бельгия	16.8	31.1
Швеция	15.7	27.8
Франция	11.7	26.3
США	13.2	24.4
Германия	13.3	20.0
Нидерланды	10.7	19.75
Великобритания	12.4	19.19
Испания	12.1	16.38
Дания	7.6	14.41
Италия	8.5	9.40
Амстердам	38	49
Цюрих	31 ¹	45–50
Франкфурт	27	38
Штутгарт	21 ¹	39
Вена	19 ¹	31
Антверпен	16 ¹	30
Копенгаген	13 ¹	20

¹ Иностранное население без учета натурализованных мигрантов.
Составлено по: [6, p. 17; 7, pp.15-16; 8, p. 39].

ной отдельно взятой стране и даже в одном городе (*the world in one country, the world in one city*).

Для оценки степени разнообразия населения на тех или иных территориях широко применяется индексирование. Так называемые индексы фракционализации показывают вероятность того, что два случайно отобранных жителя той или иной страны окажутся принадлежащими к отличным этническим, языковым и т.п. группам. Высокие значения данных индексов у Люксембурга, Швейцарии и Канады по шкале от 0 до 1 свидетельствуют о весьма высокой степени различности их населения в целом. А наиболее разнообразными контингентами мигрантов по странам происхождения выделяются США, Канада и Италия (табл. 2).

В-третьих, на вышеуказанную дифференциацию наслаиваются различия правового, социально-экономического и т.п. плана, придавая ей новые грани. Так, неоднородность состава диаспор усиливается разностью в каналах и основаниях въезда и характере пребывания мигрантов. Существенную роль играют также правовой статус,

продолжительность проживания и поколение мигрантов, уровень образования, наличие или отсутствие работы и т.д. Подобные различия сказываются на траекториях жизненного пути мигрантов, во многом определяя интеграционный процесс.

В отличие от объективных показателей разнообразия, четко фиксирующих определенный статус мигранта (например, гражданство, образование по диплому и т.п.) или изменение этого статуса, этнические и конфессиональные характеристики во многом субъективны. Они отражают самоопределение индивидов и групп в отношении своего происхождения или принадлежности, фиксируемое, хотя и зачастую не вполне адекватно³, в ходе переписей населения и других обследований.

³ “Во всех странах наблюдаются скорее попытки подогнать множественные и изменчивые формы самоидентификации под готовые классификационные схемы ... Принадлежность к определенной официально признанной категории открывает доступ к тем или иным льготам или привилегиям, подталкивает одних к самоидентификации с этими группами (тем самым обеспечивая их постоянное воспроизводство), а других – к требованию официального призна-

Таблица 2. Индексы фракционализации населения некоторых государств, 2000 г.

	Все население			Мигранты
	по странам происхождения	по лингвистической принадлежности	по этнической принадлежности	по странам происхождения
Австралия	0.47	0.33	0.09	0.90
Бельгия	0.24	0.54	0.56	0.93
Великобритания	0.09	0.47	0.47	0.55
Германия	0.15	0.16	0.17	0.90
Испания	0.11	0.41	0.42	0.94
Италия	0.04	0.11	0.11	0.96
Канада	0.40	0.58	0.71	0.96
Люксембург	0.53	0.64	0.53	0.85
Нидерланды	0.29	0.51	0.11	0.90
Россия	0.10	0.25	0.25	0.77
США	0.17	0.05	0.12	0.96
Франция	0.17	0.12	0.10	0.92
Швейцария	0.41	0.54	0.53	0.92
Швеция	0.23	0.20	0.06	0.92
Япония	0.02	0.02	0.01	0.75

Источник: [9, р. 60-62].

ований и проявляющееся в этнически, культурно и т.п. обусловленных повседневных практиках и видах общественной активности.

Учитывая, что культура и этничность представляют собой не только объективный, но и социально-психологический, контекстно детерминированный феномен [11, р. 6], продукт субъективного восприятия [10, с. 7], неоднородность общества, формируемую иммиграцией, можно представить как многокрасочную палитру идентичностей: национальных, этнических, конфессиональных, лингвистических и цивилизационных. На пересечении таких референций выстраиваются культурные, или социокультурные, “зонтичные” идентичности приезжих и их потомков. Подобные типы самоотождествления демонстрируют идентичности мусульман в Европе и испаноязычных американцев в США, имеющие четкие маркеры и представляющие весьма многочисленные социокультурные группы.

При этом иммиграция не только привносит извне разнообразие идентичностей, но и способствует конструированию его новых, все более многоликих форм внутри принимающего общества. В процессе трансграничных передвижений люди знакомятся с новыми культурами, усваивают и интернализируют их, а также относящиеся к ним смыслы, представления, нормы, ценно-

ния все новых и новых групп внутри государства-нации” [10, с. 12, 14].

сти, практики и образцы поведения, генерируя новые – транскультурные – самокатегоризации, которые отражают различия в опыте межкультурных контактов, в уроках, извлекаемых из таких контактов, и в интегрируемых элементах культуры. Подобные типы самоотнесения претерпевают дальнейшие метаморфозы у потомков мигрантов и их последующих поколений.

С учетом многомерности и динамичности культурной дифференциации принимающих социумов, этот процесс не сводится лишь к усилению пестроты различий. По словам С. Вертовека, рост разнообразия означает “не только усложнение состава населения по этносам и странам происхождения, но и умножение существенных параметров, влияющих на то, где, как и по соседству с кем люди живут, ... на возникновение новых взаимосвязей и взаимодействий” [1, р. 1025]. Повышение неоднородности населения сопровождается изменениями в системах экономических и социально-политических отношений и конфигураций.

КАПИТАЛ МНОГОКУЛЬТУРНОСТИ

Многочисленными исследованиями установлено, что приток уроженцев других стран вносит благотворный вклад в долгосрочное народнохозяйственное развитие государств-реципиентов. Подобное воздействие иммиграции объясняется ее ролью в пополнении населения, обеспечении

жизненно важных, в том числе неторгуемых, секторов экономики рабочей силой, повышении гибкости и эффективности функционирования рынка труда, содействии росту инвестиционной и предпринимательской активности, стимулировании инновационного развития и роста экономики. В наибольшей мере это относится к контролируемой, легальной трудовой миграции, обусловленной потребностями экономики, особенно с учетом происходящего повышения квалификационно-образовательного уровня приезжих. При этом, как показывают прогнозы МВФ, ОЭСР и Европейской комиссии, даже нынешняя волна вынужденных людских потоков в Европу, поставляющая ресурсы молодых работников и стимулирующая совокупный спрос, может стать катализатором экономического роста в регионе.

Однако далеко не все народнохозяйственные эффекты иммиграции можно объяснить с позиции традиционной экономической теории без учета культурной принадлежности приезжих. Между тем именно культура, с экономической точки зрения, может трактоваться как «своего рода протоинститут, влияющий на культурный и социальный капитал, на механизмы производства и потребления в определенном ареале» [12, р. 3]. Ее роль высвечивается при рассмотрении более широких экономических эффектов, возникающих в развитых регионах мира под влиянием притока туда уроженцев разных стран. В силу значимости и устойчивости подобных эффектов возник феномен «экономики культурного разнообразия» [12], также называемый «экономикой сверхразнообразия» [11] и т.п.

Экономическое воздействие культурной гетерогенности населения обнаруживается как на уровне отдельных предприятий, так и в масштабах крупных территорий, при этом оно нередко носит неявный, косвенный характер. Учитывая концентрацию мигрантов в крупных урбанизированных зонах, экономика поликультурности – это прежде всего городской феномен со свойственными ему эффектами масштаба, агломерации и перелива между секторами.

В основе развития такой экономики, с одной стороны, лежит использование многообразия индивидуальных и коллективных культурных капиталов, понятия которых разрабатывались П. Бурдьё, Р. Патнэмом и Д. Коулманом. Олицетворяющий ее и дополняющий «большую экономику» иммигрантский, или этнический, бизнес взращивается в немалой мере благодаря культурной предрасположенности представителей определенных диаспор к предпринимательской

деятельности и опоре на преимущества принадлежности экономических агентов к одной и той же культуре. С другой стороны, в экономике разнообразия задействован особый актив многокультурности, который формируется в ходе взаимодействия представлений, норм, ценностей, традиций и практик, относящихся к разным культурам и влияющих на экономические предпочтения, выбор и другие формы экономического поведения. Такой ресурс воплощается в совместной народнохозяйственной деятельности выходцев из разных стран и цивилизационных ареалов, выражаясь, в частности, в комплементарности компетенций носителей разного менталитета.

Как известно, с ростом диаспор формируется не только более широкий, но и более диверсифицированный, этнически ориентированный спрос, включающий потребительские предпочтения новых жителей к особым товарам и услугам, привычным на родине: национальным блюдам, напиткам, музыке и т.п. Удовлетворение столь специфического спроса предполагает и большее разнообразие предложения, стимулируя как производство подобных благ, так и их импорт, в организацию которых активно вовлекаются представители соответствующих диаспор. (Яркий пример тому – продвижение этнической кухни в сети общественного питания.)

Широкое распространение ценностей материального успеха, мотивации достижения, готовности к новаторству и риску среди представителей определенных культур и религий, например иудаизма, способствует формированию особого типа личности, склонного к бизнес-деятельности. Культурной предрасположенностью к бизнесу отличаются диаспоры арабов, евреев, армян, корейцев, индийцев и китайцев, имеющих многовековые традиции предпринимательской, главным образом торговой, деятельности и передачи ее опыта детям. Нарастанию и реализации такого ресурса в принимающих странах способствуют осуществляемые ими программы бизнес-иммиграции и поддержки иммигрантского бизнеса, а также склонность или же вынужденное сложностями трудоустройства обращение иммигрантов к венчурным проектам. В целом ряде стран ЕС, особенно Венгрии, Чехии, Финляндии и Великобритании, самостоятельная занятость среди иммигрантов распространена даже шире, чем среди местных жителей (рис. 1).

Как свидетельствуют обследования Бюро переписи населения США, в 2012 г. фирмы, находящиеся в собственности представителей этнорасовых меньшинств, составляли 30% общего числа

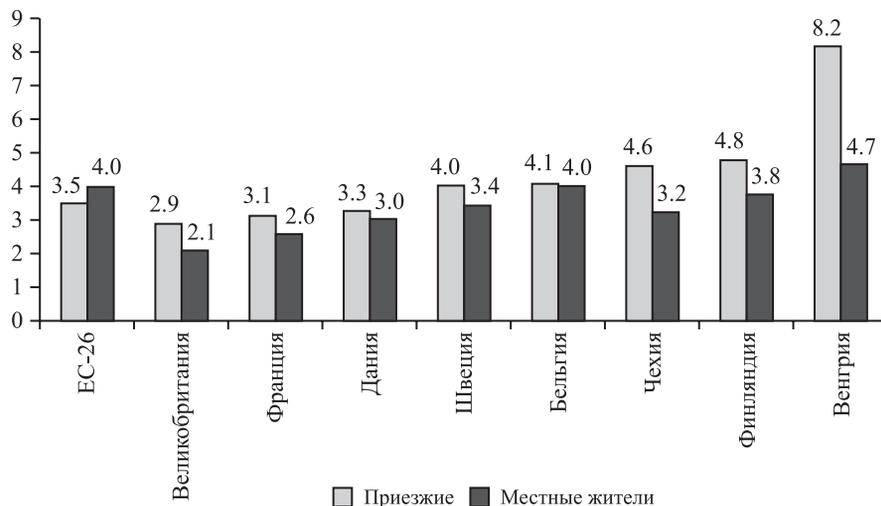

Рис. 1. Доля самостоятельно занятых работников, использующих наемный персонал, в общей массе занятых, 2013 г., %
Составлено по: [6, р. 128].

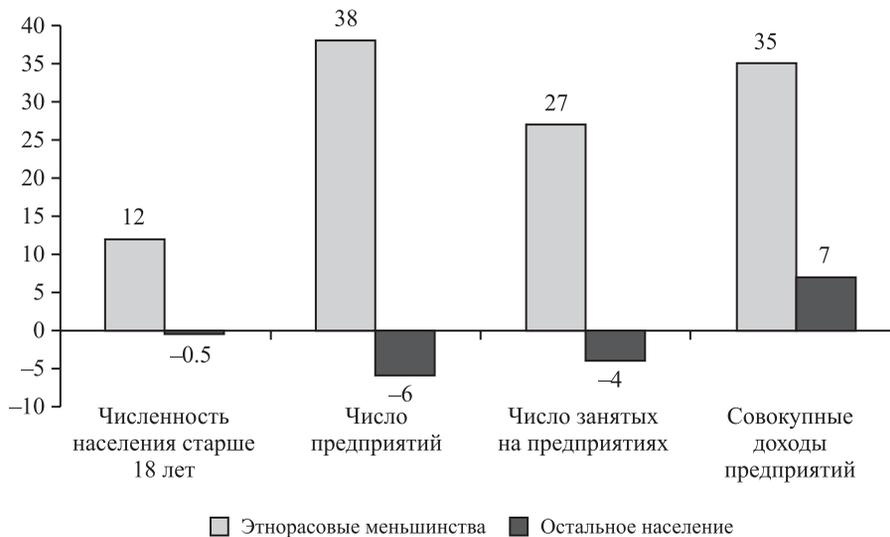

Рис. 2. США: динамика показателей численности населения и деятельности предприятий, различающихся по этнорасовой принадлежности их собственников, 2007–2012 гг., %

Источник: [13].

предприятий. Однако в силу малых размеров, традиционной специализации основной массы таких фирм, острой нехватки финансов, дискриминации и т.п. на них приходилось всего 13% занятости по найму и 12% совокупных доходов [13]. Несмотря на то, что народнохозяйственная роль такого бизнеса пока непропорционально низка в соотношении с удельным весом этнорасовых меньшинств во взрослом населении (36%), расширение этого сегмента создает дополнительную опору для национальной экономики, повышает ее устойчивость. Вопреки последствиям депрессии этот сектор экономики демонстрирует высокий динамизм, если не сказать бум (рис. 2). В 2007–2012 гг. наиболее стремительно росло

число предприятий, создаваемых выходцами из Латинской Америки, а также Азии, особенно Индии, Пакистана, Китая и Кореи.

Кроме того, предпринимательская деятельность иммигрантов, в первую очередь из Южной и Восточной Азии, стала заметным фактором стимулирования инновационного процесса в США. В 2015 г. три из десяти крупнейших компаний Силиконовой долины, входящих в листинг *NASDAQ*, управлялись иммигрантами. В составе учредителей 43% фирм, созданных на этой территории за последние семь лет, как минимум один был уроженцем другой страны. Приезжие находились на руководящих позициях таких известных компаний в сфере ИКТ, как *Google* и *Oracle* [14].

Как показывает М. Вебер, культура, в том числе и религиозная, ориентируя людей на практическую деятельность и преобразование жизни или же, скажем, на созерцание, влияет на их хозяйственную этику. Задаваемые родной культурой идеалы и нормы экономического поведения (например, порицание исламом ростовщичества) переносятся мигрантами в страны их нового проживания, воплощаясь в той или иной мере в их трудовой и предпринимательской деятельности. Фактически поликультурность населения воспроизводится в разнообразии форм и многоукладности экономической деятельности, проявляющихся, в частности, в множественности “малых”, так называемых *этнических экономик*. Под этническим бизнесом понимается “народнохозяйственный сегмент, образуемый экономической деятельностью этнических предпринимателей и занятых на их предприятиях наемных работников, а также самостоятельных работников, принадлежащих к одной и той же этнокультурной группе” [15, p. 647].

Подобная хозяйственная деятельность представляет экономическую развертку идентичностей мигрантских сообществ, или экономику их идентичностей⁴. Включенность в нее приезжих и их потомков во многом следует из их приверженности примордиальной культуре, ценностной значимости для них совместной работы с соотечественниками и в окружении “своих” и т.п. Особенностью этнического бизнеса, обеспечивающей его конкурентоспособность и жизнестойкость, является опора на групповые этнокультурные ресурсы. Они включают множественные системы социальных, в первую очередь семейно-родственных, связей, общность культуры, религии и языка, солидарность, патернализм и доверие в своей группе и т.п. В результате использования таких ресурсов формируется особый тип экономического поведения, отличающийся огромным влиянием принадлежности к одной культуре на экономический выбор. На подобных системах социальных связей основывается взаимная помощь, включающая консультирование и передачу деловой информации (в том числе производственных и коммерческих секретов), взаимокредитование,

предоставление личных ссуд, оказание ценных услуг и, наконец, предпочтение товаров и услуг, производимых соотечественниками.

Системы социальных связей и продажа продукции покупателям, принадлежащим к той же этнокультурной группе, способствуют упрощению коммерческой деятельности фирм и их специализации, что позволяет поддерживать контроль над рынком. Отношения таких экономических агентов, построенные на доверии и групповой солидарности, содействуют снижению непроеводительных затрат и позволяют предприятиям с большей выгодой вести бизнес. В сферах НИОКР и инноваций использование социального капитала доверия в сетях диаспор снижает информационно-коммуникационные издержки распространения нового знания, способствуя росту цитируемости новаторских работ и использованию содержащихся в них идей.

Работодатели, считая соэтнический персонал более профессионально подготовленным и производительным, чем местных работников, и проявляя к нему патернализм, используют групповую солидарность для поддержания низкой заработной платы, что обеспечивает выживание их бизнеса. Предоставляя рабочие места вновь прибывающим соотечественникам, сталкивающимся с повышенными сложностями трудоустройства, этнические предприятия вовлекают в хозяйственный оборот их незадействованный “большой экономикой” трудовой потенциал. Этническая экономика играет важную роль в обеспечении временного пристанища и социокультурной адаптации значительной части приезжих. Подобная первичная интеграция мигрантов облегчает их последующий переход в “большую экономику”, расширяет возможности их профессиональной и предпринимательской самореализации и повышает отдачу от них для общества.

Этнические экономики заполняют ниши общественно необходимой хозяйственной деятельности, особенно в бедных районах и иммигрантских анклавах, отличающихся повышенной криминогенностью, малой емкостью и низкой доходностью рынков и непривлекательных для местного бизнеса, способствуя сбалансированности развития территориальных комплексов. Более того, целый ряд депрессивных старых городских кварталов обязан своим возрождением и джентрификацией именно благодаря приезжим предпринимателям.

Этнокультурный фактор также играет важную роль в развитии внешней торговли. В противовес классической модели внешней торговли, разра-

⁴ Понятие экономики идентичности (*identity economics*) было предложено Дж. Акерлофом и Р. Крэнтоном. Оно охватывает “сферы экономической активности, мотивированной самоидентификацией экономических агентов и их ценностным выбором... включает отрасли и производства, ориентированные на утверждение и поддержание коллективной идентичности групп, которые объединяются на профессиональных, этнических, конфессиональных и социокультурных основаниях различной природы” [16, с. 188].

ботанной шведскими экономистами прошлого века Э. Хекшером и Б. Олином и полагающей миграцию рабочей силы и торговлю субститутами, более поздние исследования свидетельствуют, что иммиграция как совокупность всех людских потоков (включая трудовой) способствует *расширению внешнеэкономических отношений между регионами (странами) проживания и происхождения мигрантов*.

Согласно оценкам английских ученых С. Гирма и З. Ю, в Великобритании 10% рост численности иммигрантов из стран, не входящих в состав Британского содружества, ведет к краткосрочному увеличению импорта из этих стран на 1% и экспорта на 1.6%, а в долгосрочном плане – к расширению экспорта на 5% [17, р. 105]. Подобное влияние миграции на внешнюю торговлю объясняется принадлежностью иммигрантов к определенным странам происхождения и культурным традициям. Во-первых, как отмечалось, оно опосредуется растущим спросом на “этническую” продукцию. Симптоматично, что под влиянием иммиграции торговля потребительскими товарами зачастую растет быстрее, чем инвестиционными благами. Во-вторых, торговые сделки мигрантов с партнерами с их родины могут осуществляться с меньшими транзакционными издержками. Это достигается благодаря знанию мигрантами рынков и регулирующих их институтов в странах исхода, их доступу к информации о товарах с родины, личным и деловым контактам с соотечественниками, повышающим доверие в подобных отношениях, и т.п. Иммигранты выступают как своего рода “репутационные посредники”, способствующие выходу фирм стран их проживания на внешние рынки и скрепляющие партнерства с компаниями стран их исхода.

Принимая во внимание современную ситуацию в Европе, представляется, однако, что подобное воздействие может оказывать лишь добровольная миграция при стабильности положения в странах исхода и приема мигрантов. Вряд ли стоит ожидать заметного расширения торговых отношений ЕС с охваченными социальными конфликтами и источающими обильные потоки вынужденных мигрантов странами Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока.

В масштабах “большой экономики” эффекты поликультурности проявляются также в деятельности смешанных команд, создаваемых на национальных предприятиях из уроженцев разных стран. Подобные коллективы нередко эффективнее в решении широкого круга проблем, генери-

ровании новых идей, в большей мере застрахованы от ошибочных действий и т.п., чем гомогенные по составу группы. В особенности это характерно для представителей беловоротничковых профессий, в том числе ученых, инженеров и высших менеджеров, занятых в наукоемких видах экономической деятельности, инновационных секторах, а также сегментах хозяйственной деятельности с интенсивными внешнеторговыми операциями.

Выигрыш от объединения и комбинирования таких работников для совместного выполнения задач достигается благодаря комплементарности разных компетенций, стилей мышления и видения проблем, которыми обладают носители разных культурных традиций и идентичностей. Когнитивное разнообразие позволяет, в частности, сочетать логику и рационализм, характерные для западного менталитета, с воображением и интуицией, свойственными восточному типу конструирования смыслов, создавая креативную среду и способствуя взаимообогащению идей. Как свидетельствует большой ряд исследований, подобный синергетический эффект культурной неоднородности трудовых коллективов выражается в *росте патентования, инноваций и как следствие – в повышении производительности труда* [см., например: 18, 19]. Важную роль в успешности деятельности предприятий со смешанными коллективами играет описанное выше взаимодействие из приезжих сотрудников с сетевыми иммигрантскими сообществами. Именно в высокотехнологичных отраслях выход на рынок новых, создаваемых иммигрантами предприятий, усиливая конкуренцию и побуждая другие фирмы к инновациям, особенно результативен в повышении производительности труда [20]. Кроме того, разнообразие высшего руководства компании по странам происхождения его членов также значительно при разработке и реализации ее внешнеэкономической стратегии и формировании географической структуры ее внешней торговли [11].

Как показывает целый ряд исследований, в том числе проведенных А. Алесиной, Дж. Оттавиани и Дж. Пери, множественность стран происхождения иммигрантов в принимающих обществах, позитивно влияющая на инновационную активность и результативность НИОКР, производительность труда, развитие внешней торговли и др., *повышает динамику и качество экономического роста* [см., например: 9, 21]. Более того, на материале западных стран выявлено, что воздействие притока высокообразованных уроженцев других стран на душевой ВВП, производительность труда и патентную активность обусловлено не столько долей

таких приезжих среди населения, сколько их разнообразием по странам происхождения [9, р. 41].

Таким образом, культурно обогащая развитые регионы мира, иммиграция привносит разнообразие и в их хозяйственные практики. Многокультурность содержит ресурсы, использование которых благотворно для развития экономики принимающих стран.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РИСКИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ НЕОДНОРОДНОСТИ ОБЩЕСТВА

При анализе экономики многокультурности неизбежно возникает вопрос, при какой мере, при каких количественных и качественных характеристиках разнообразия и в какой среде оно благоприятствует экономическому развитию, а при каких – порождает социально-экономические противоречия, осложняющие это развитие.

На материале Великобритании выявлена Π -образная зависимость между изменением доли представителей этнокультурных меньшинств в составе руководителей/собственников предприятия от 0 до 100%, с одной стороны, и его доходами от экспортной деятельности, а также оборотом, с другой. До того как удельный вес членов диаспор достигнет 47% руководящей команды, при его увеличении на 10 п.п. доля внешних операций в поступлениях фирмы повышается на 13.8 п.п., однако после указанного порогового значения – снижается на 14.6 п.п. Аналогичным образом при пороге в 44% оборот фирмы сначала увеличивается на 6.3%, а затем сокращается на 7.1% [12, pp. 270-298].

Учитывая, что иноэтничные высшие менеджеры – это высокообразованные профессионалы, как правило, знающие язык и нормы культуры принимающего общества, нарастание разнообразия состава руководящего звена за их счет транслируется в обогащение человеческого капитала последнего, что приносит позитивные плоды. Однако если подобные команды превращаются в иммигрантские, утрачивая разнообразие, этому может сопутствовать нарастание дискриминации и финансовых сложностей, ухудшающих показатели деятельности этих фирм.

В то же время этническая, лингвистическая или конфессиональная гетерогенность всех работников не оказывает положительного воздействия на экономические показатели. А при обнаружении такого эффекта разнообразия персонала его источником служит *множественность стран происхождения мигрантов*. При этом подмечено,

что связь между культурной пестротой состава трудовых коллективов и их экономической эффективностью в наибольшей мере проявляется в долгосрочном плане, причем именно в странах с высоким уровнем дохода и патентования, то есть обладающих наиболее благоприятной средой для получения высоких экономических и научно-технических результатов.

Важен также вопрос величины культурной дистанции между приезжими и местными работниками. Очевидно, что при сильном сходстве культур отдающих и принимающих население стран смешанные коллективы будут мало чем отличаться от однородных. *Оптимальный с экономической точки зрения уровень культурного многообразия складывается в коллективах, в которых участвуют приезжие из разных стран развитых регионов, отделенных определенной, но не слишком большой культурной дистанцией* [9]. То есть для согласованной и эффективной работы интернационального коллектива необходима общность или хотя бы близость неких базовых цивилизационных оснований. Иными словами, культурные различия, как и социальное неравенство в целом, благоприятны для экономического роста при их умеренной степени, когда принимающее общество способно вместить, аккомодировать такое разнообразие и производительно использовать его ресурсы. В то же время, теоретически, полная ассимиляция мигрантов, нивелируя их отличность от коренных жителей, ослабит и экономический вклад последней.

Однако в реальной жизни культурное многообразие генерирует неоднозначные эффекты. На иммигрантском бизнесе паразитирует организованная этническая преступность, связанная с незаконным производством, трафиком и распространением оружия и наркотиков, крупной контрабандой, рэкетом, нелегальной переправой мигрантов, торговлей людьми и т.п. Сама этническая экономика существует в немалой мере за счет теневой занятости соотечественников, притягивая потоки незаконных мигрантов. “Оседание” в ней наименее адаптивных жителей анклавов замедляет и застопоривает их транскulturацию и ассимиляцию, способствуя сохранению и усилению этнических, лингвистических и конфессиональных размежеваний в принимающем социуме.

Чрезмерная острота культурных различий, разобщающая общество, может оказывать пагубное, опосредуемое другими процессами, влияние на экономику. “Общим элементом всех этих механизмов (негативного народнохозяйственного воздействия этнокультурной фрагментации

общества. – И.Ц.) является наличие этнического конфликта, который по социальным и политическим каналам распространяется на экономику” [22].

Как показывают А. Алесина и ряд других исследователей, этнолингвистическая фракционализация общества осложняет формирование в нем доверия [23, 24]. Это в свою очередь затрудняет кооперацию между экономическими агентами, принадлежащими к разным этносам, препятствует адекватному распределению необходимых общественных благ, усиливает коррупцию, порождает рентоориентированное поведение, повышает транзакционные издержки и тем самым негативно сказывается на эффективности функционирования экономики и динамике ее роста⁵. Подобное воздействие особенно заметно на местном уровне. Излишняя этнолингвистическая пестрота работников чревата осложнением коммуникации, координации и возникновением конфликта предпочтений и выбора внутри групп, что может создавать проблемы в принятии решений и ухудшать качество последних.

Если исходить только из такого видения ситуации при оценке возможных последствий современного приема беженцев в Европе, то его экономические перспективы рисуются отнюдь не благоприятными. Рост преступности, терроризма, межэтнической и межконфессиональной конфликтности, происходящий в европейских странах под влиянием массовой инокультурной иммиграции, негативно влияет на качество, в первую очередь безопасность жизни их населения. Нарастание социально-политической нестабильности может сказаться на состоянии делового климата и конкурентоспособности принимающих государств. Вероятно снижение привлекательности таких территорий для инвестиций, работников, туристов, увеличение общественных затрат на противодействие этническому экстремизму, терроризму, преступности и т.п., что повлечет за собой убытки для экономических агентов, дополнительную нагрузку на бюджет и т.д.

Однако в государствах с прочными демократическими традициями подобные экономические эффекты этнокультурной фрагментации невели-

⁵ Такое воздействие остро проявляется в развивающихся странах, в частности в Африке, где этнолингвистическая фрагментация общества объясняет 35% снижения темпов экономического роста, вплоть до 45% – в случае неадекватной политики в этой области [24].

ки⁶. Хотя из-за сложностей статистического и методологического характера вряд ли возможно точно сопоставить выгоды и издержки разнообразия, допустима вероятность их негативного баланса, по крайней мере в краткосрочном плане, пока иммигранты не пройдут начальный этап интеграции и аккультурации. Рост культурного разнообразия может иметь благотворные экономические последствия лишь при позитивном, коллаборативном или хотя бы неконфликтном взаимодействии приезжих и коренных жителей. На это косвенно указывает и выявленная Р. Флоридой взаимосвязь между притоком иммигрантов в тот или иной регион и развитием там креативных индустрий, которая опосредуется, по мнению ученого, толерантностью местного сообщества, формирующей инновационную среду и привлекающей творческих профессионалов [26].

* * *

Нарастающая многокультурность принимающих обществ открывает новые возможности для их экономического развития. Несомые ею ресурсы олицетворяются культурной предрасположенностью представителей ряда мигрантских сообществ к предпринимательской деятельности, преимуществами принадлежности экономических агентов к одной и той же культуре, синергетикой комплементарных компетенций носителей разных культур и идентичностей. На использовании таких ресурсов основаны развитие этнического бизнеса, равно как и активизация инновационной и внешнеэкономической деятельности предприятий со смешанными командами персонала и руководства из уроженцев разных стран. Это в свою очередь способствует повышению сбалансированности развития территориальных комплексов, динамизма, устойчивости и конкурентоспособности экономики принимающих стран.

⁶ Переход от нулевого значения индекса фракционализации по этнической принадлежности к 1 снижает темпы роста душевого ВВП на 1.9 п.п., по языковой – на 2.5, а по религиозной – на 0.4 п.п. [25, р. 40, 42, 44]. (Здесь 0 предполагает полную однородность сообщества, 1 – его максимальную разнородность.) При этом авторы указанного в данной сноске исследования не претендуют на точность таких оценок, учитывая их возможные корреляции с другими переменными, которые могут искажать реальную картину. Так, индекс религиозной неоднородности общества отражает толерантность общества и прямо коррелирует с развитием демократии и качеством институтов, позитивно влияющих на экономическую среду, и, вероятно, не улавливает дестабилизирующий потенциал радикального ислама в европейских странах.

В то же время резкие, чрезмерные культурные различия препятствуют мирным и продуктивным отношениям между разными группами населения и осложняют экономическое развитие принимающих стран. Это обуславливает необходимость эффективного управления культурным разнообразием, способного сглаживать наиболее острые пики межкультурных контрастов, предупреждать появление непримиримых противоречий и создавать условия для наиболее полной реализации экономического потенциала мигрантов.

Хотя многие экстерналии культурного разнообразия относительно невелики в масштабах экономики принимающих стран, очевидно, что подобное воздействие иммиграции на народное хозяйство будет только усиливаться по мере роста инокультурных потоков и сообществ. Соответственно, мера и формы реализации несомых ею ресурсов и вызовов для развития принимающих

социумов будут во многом зависеть от адекватности курса и эффективности инструментария миграционного регулирования, включая ограничение одних иммиграционных потоков и поощрение других. В еще большей мере это касается поиска действенных моделей управления социальным общежитием представителей разных культур.

Резонно также допустить, что при условии успешной инкорпорации представителей этнических и конфессиональных меньшинств в принимающие социумы, преодоления разделяющих людей предрассудков и коммуникационных барьеров позитивные социально-экономические эффекты культурного разнообразия будут усиливаться, а негативные – ослабевать. Напротив, в отсутствие эффективной интеграционной политики динамика этих эффектов может быть прямо противоположной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Vertovec S. Super-diversity and its implications. *Ethnic and Racial Studies*, 2007, vol. 30, no. 6, pp. 1024-1054.
2. Малахов В.С. *Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций*. Москва, Новое литературное обозрение, 2014. 232 с. [Malakhov V.C. *Kul'turnye razlichiya i politicheskie granitsy v epokhu global'nykh migratsii* [Cultural Difference and Political Borders in the Age of Global Migrations]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 232 p.]
3. Ewij R. Diversity and Diversity policy: Diving into Fundamental Differences. *Journal of Organizational Change Management*, 2011, vol. 24, no. 5, pp. 680–694.
4. *International Migrant Stock 2015*. Available at: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates15.shtml> (accessed 5.05.2016).
5. *World Population Prospects, the 2015 Revision*. Available at: <http://esa.un.org/unpd/wpp/DataQuery/> (accessed 15.05.2016).
6. *Indicators of Immigrant Integration 2015: Settling in*. Paris, OECD, 2015. 344 p.
7. *Intercultural Policies in European Cities*. Strasbourg, Eurofond, 2010. 190 p.
8. *World Migration Report 2015*. Geneva, IOM. 202 p.
9. Alesina A., Harnoss J., Rapoport H. Birthplace Diversity and Economic Prosperity. *IZA DP*, 2013, no.7568. 62 p.
10. Филиппова Е.И., Герен-Пас Ф. Расовые и этнические категории в переписях 2010-х гг. *Этнографическое обозрение*, 2015, № 1, сс. 5-25. [Filippova E.I., Geren-Pas F. Rasovye i etnicheskie kategorii v perepisyakh 2010-kh gg. [Racial and Ethnic Categories in Censuses of the 2010s]. *Ethnographic review*, 2015, no. 1, pp. 5-25.]
11. Nathan M. The Economics of Super-Diversity: Findings from British Cities, 2001–2006. *SERC Discussion Papers*, 2011, no. 68. 44 p.
12. Nijkamp P., Poot J., Bakens J., eds. *The Economics of Cultural Diversity*. Cheltenham, Elgar Publishing, 2015. 465 p.
13. *U.S. Business Fact Sheets. MBDA*, January 2016. Available at: http://www.mbda.gov/sites/default/files/2012SBO_MBEFactSheet020216.pdf (accessed 25.03.2016).
14. *CEOs Of Silicon Valley's Top Firms Are Often Non-White, Immigrants, Or Women*. 14.08.2015. Available at: <http://www.forbes.com/sites/gregoryferenstein/2015/08/14/ceos-of-silicon-valleys-top-firms-are-often-non-white-immigrants-or-women-in-1-graph/#68eb3899324c> (accessed 25.09.2016).
15. Light I., Karageorgis S. The Ethnic Economy. Smelser N., Swedberg R., eds. *The Handbook of Economic Sociology*. Princeton, Princeton University Press, 1994, pp. 647-671.

16. Семенов И. С. Экономика идентичности. *Политическая идентичность и политика идентичности*. В 2 т. Отв. ред. Семенов И. С. Москва, РОССПЭН, 2011. Т. 1, сс. 186-189. [Semenenko I. S. *Ekonomika identichnosti. Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti. V 2 t.* [Identity Economics. Political Identity and Identity Policies. 2 volumes]. Semenenko I. S., ed. Moscow, ROSSPEN, 2011, vol. 1, pp. 186-189.]
17. Girma S., Yu Z. The Link between Immigration and Trade: Evidence from the United Kingdom. *Review of World Economics*, 2002, no. 1, pp. 115-130.
18. Ozgen C., Nijkamp P., Poot J. Measuring Cultural Diversity and its Impact on Innovation. *Norface Migration DP*, 2013, no. 3. 23 p.
19. Brunow S., Trax M., Suedekum J. Cultural Diversity and Plant-Level Productivity. *Norface Migration DP*, 2012, no. 29. 40 p.
20. Nathan M. The Wider Economic Impacts of High-Skilled Migrants: a Survey of the Literature for Receiving Countries. *IZA Journal of Migration*, 2014, no. 3:4. 20 p.
21. Ottaviano G., Peri G., Wright G. Immigration, Trade and Productivity in Services: Evidence from UK Firms. *CEP DP*, 2015, no. 1353. 48 p.
22. Montalvo J., Reynal-Querol M. Ethnic Polarization, Potential Conflict, and Civil Wars. *The American Economic Review*, 2005, vol. 95, no. 3, pp. 796-816.
23. Alesina A., La Ferrara E. The Determinants of Trust. *NBER WP*, 2000, no. 7621. 33 p.
24. Collier P., Gunning J-W. Explaining African Economic Performance. *Journal of Economic Literature*, 1999, vol. 37, no. 1, pp. 64-111.
25. Alesina A., Easterly W. et al. Fractionalization. *NBER WP*, 2002, no. 9411. 70 p.
26. Florida R. *The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life*. New York, Basic Books, 2002. 282 p.

ECONOMIC RESOURCES OF ETHNOCULTURAL DIVERSITY
(*World Economy and International Relations*, 2016, vol. 60, no. 11, pp. 35-46)
Received 05.05.2016.

Irina P. TSAPENKO (tsapenko@imemo.ru),

Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAN), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Global migration radically increases the number of foreign born and their descendents, as well as birthplace, linguistic, ethnic and confessional diversity of the population in more developed regions of the world. Such cultural heterogeneity is being translated into a motley mosaic of cultural identities changing in the course of intercultural contacts through the lifespan and with succeeding generations. The economic effects of immigration cannot be comprehensively explained as part of traditional economic theory without taking into account the factor of culture and its economic resources. On the one hand, the economy of diversity is based on cultural capital which presupposes cultural predisposition of certain diasporas representatives to business activities, and on resources of economic agents belonging to the same culture. On the other hand, such effects are generated by usage of special assets of cultural multiplicity being formed through interaction of cognitions, values, norms and practices referring to different cultures and influencing economic preferences, choices and other forms of economic behavior. Multicultural composition of a receiving society is being reproduced in multiplicity of "ethnic economies" on the back of the "big economy", as well as in joint economic activities of descendents from different states and civilization areas implementing complementarities between competences relevant to different types of mentalities. The usage of such resources makes local economies more balanced, contributes to increase in productivity, innovation and foreign trade, making development more dynamic, competitive and sustainable. At the same time, cultural diversity may generate economic losses due to ethno-linguistic fragmentation of receiving societies and conflicts within them. Adequate immigration policies, in particular, an efficient governance of cultural diversity, successful migrant integration outcomes and collaborative intercultural relations are crucial for making the benefits of diversity outweigh the risks of ethno-cultural fragmentation in receiving societies.

Keywords: immigration, diversity, multiculturalism, ethnic economies, ethnocultural resources, complementarities between competences, innovations, international economic relations, economic growth, integration.

About author:

Irina P. TSAPENKO, Dr. Sci. (Economics), Leading Researcher.

DOI:10.20542/0131-2227-2016-60-11-35-46